

XX 63
11

1
Государственная
б-ка
СССР
им.
ЛЕНИНА

И-50-1334

1-12

12р

МУРЗИЛКА

№-7

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

ИЮЛЬ
1949

БОГАТЫРИ

За полями, перед лесом
Отдыхают до поры
Два комбайна под навесом,
Две железные горы.

Будет осень — хлеб созреет;
Утром в поле, чуть заря,
Выйдет ряд весёлых жнеек,
Выйдут два богатыря.

И, пугая шумом птицу,
Выйдет в поле весь колхоз
Жать машинами пшеницу,
Убирать густой овёс,

Золотую рожь, гречиху,
Вымолачивать зерно...
И стоят машины тихо,
В бой готовые давно.

Каждым винтиком сверкая,
Точно воины в броне,
Под прикрытием сарая
Ждут похода в тишине.

Е. ТРУТНЕВА

ПОДАРОК

Играли ребята за селом в лапту и не заметили, как гроза собралась. Тучи словно рукой из-за леса надёрнуло. Дождь сразу хлынул. Кинулись ребята гурьбой в первую на краю избушку. А в той избушке жила бабушка Дарья, бобылка. Родни у неё не было. Старика давно схоронила. Был сынок Ванюшка, и тот ещё молодым умер. Ребят она любила. Бывало выйдет из своей избушки, приложит ко лбу руку козырьком и смотрит, как чужие ребятки на улице играют.

— Эх, внуков нет! Горюша я горькая, куст в чистом поле обкошенный, — печалилась она.

Теперь старуха очень обрадовалась, что хоть дождём к ней в избушку ребят загнало. Ходит она довольная, котами по полу постукивает, вытирает полотенцем мокрые ребячьи головы. Потом усадила всех пирог с морковной начинкой есть. Пирог вкусный: пышный, розовый, морковь, словно в меду мочена.

А дождь за окном льёт, молнии полыхают, гром ударяет такой, что избушка подпрыгивает.

Чтобы скоротать время, стала бабушка Дарья сказку рассказывать. А на сказки она была мастерица: замерли ребята, глазёнки так и блестят. Не заметили, как гроза прошла.

— Спасибо, бабушка! Мы к тебе ещё заходить будем, — сказал Ваня Доронин.

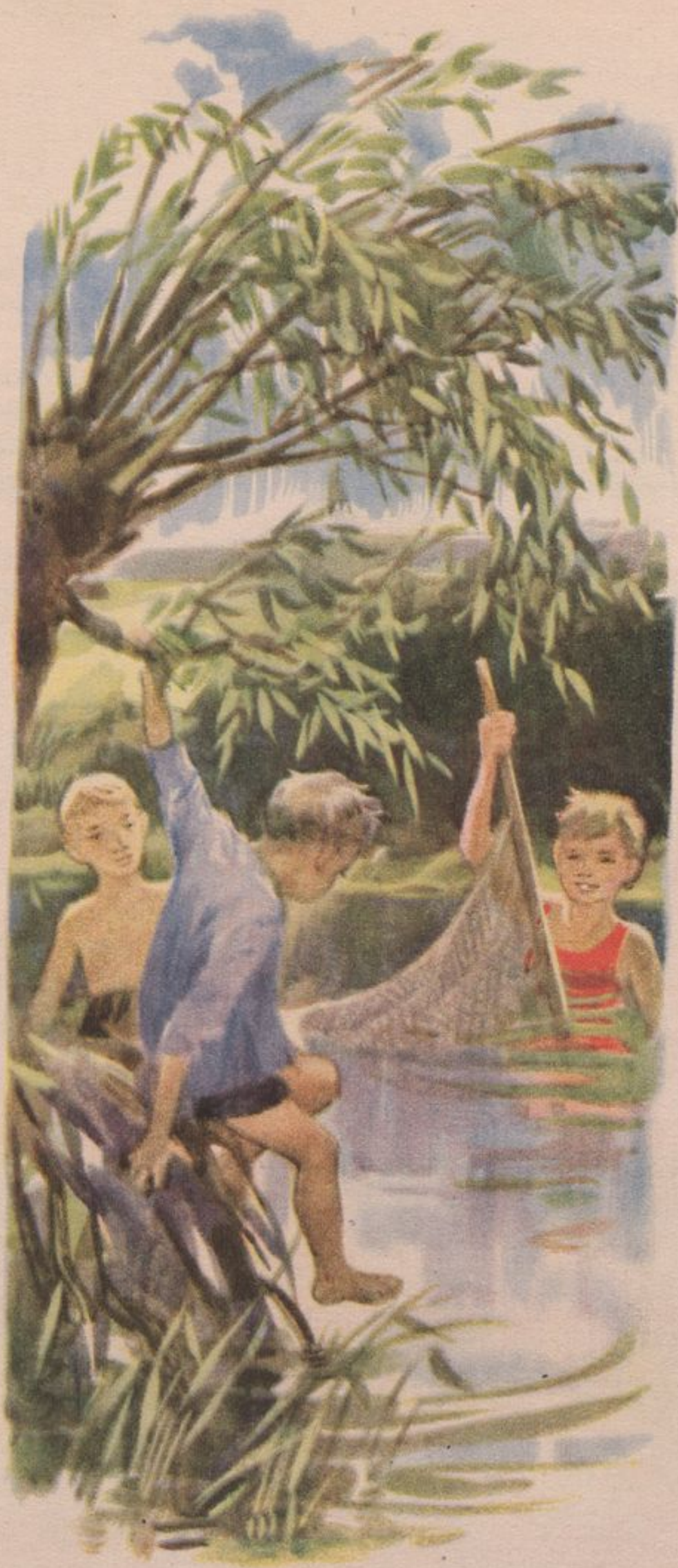
— Заходите, мне с вами веселее, — ответила бабушка.

Стали ребята навещать её часто, и сказки слушали и быль про старое.

Пришёл раз к бабушке Дарье Ваня Доронин со своими приятелями Петей Никишиным и Васенькой Говорковым. Смотрят, нарядилась бабушка Дарья и палочку берёзовую у двери приготовила.

— В район иду. За хорошую работу на колхозном огороде мне медаль дают. А председатель колхоза премию обещал: новый платок, коты и кофту.

Угостила она ребят ватрушками и в дорогу направилась.

Ваня Доронин сказал ребятам:

— Бабушку Дарью теперь поздравлять начнут. Все ей подарки принесут. И мы давайте ей подарок сделаем.

Стали ребята думать, что подарить. Какие у ребят достатки? Книжку с картинка-

ми дать — слеповата, не прочтёт. Скакалку, планёр — смешно!

— Знаю я, — сказал Ваня, — в заводи-не, под дуплистыми ивами, налиим живёт. Вот бы его поймать и подарить!

Васенька Говорков подскочил от радости.

— Налиим! Вот это здорово! Сейчас и ловить пойдём.

И запрыгал на одной ножке, словно уже поймал налима.

Даже Петя Никишин, всегда рассудительный, спокойный, который никогда сразу не соглашался с Васенькой, и тот одобрительно проговорил:

— Это она возьмёт. Никто другой не догадается ей налима подарить.

Достали ребята бредень, взяли большое ведро и пошли на речку. К заводи подобрался тихо, пригнувшись, словно не налима, а птицу пришли ловить.

Пока раздевались под ивами, Ваня шопотом учил товарищей:

— День, вишь, солнечный, тёплый. Налиим теперь наелся и спит. Мы с Петей бредень поведём, а тебе, Васенька, по корягам лазать, налима выгонять. Ты маленький, шумный — тебе всё равно, где прыгать. Налиим теперь под корягами. Ты постарайся его ногой нащупать, а как нащупаешь — ударь его сильнее, испугай. Он спросонья ничего не разглядит, из-под коряг прямо в бредень метнётся.

Ваня с Петей взялись за сушила (это палки такие, к которым бредень прикрепляется), растянули бредень, вошли в воду по грудь, встали против коряг. А Васенька, держась за ивовые ветки, залез в воду по самую шею, стал шарить ногами по корягам. Заводь была глубокая, вода в ней тихая, а в тени, под ивами, прозрачная, словно и нет её. Видно, как Васенька с одной коряжины на другую переступает, залезает под коряжину ступнями и шевелит ими там. Только голова его над водой, как поплавок, то вверх, то вниз покачивается.

— Разве его, беса, найдёшь! — шопотом ругается Васенька. — Завалился спать — и горя ему мало!

— Правей, правей щупай, там вроде хвост торчит, — шепчет Ваня, а сам из-под руки в воду всматривается.

Васенька что-то нащупал.

— Нет, это щепка!

— Ну, теперь немного подальше переступи, там будто башка с глазами виднеется.

— Ой! — вскрикивает Васенька. — Он мне ногу отгрызёт!

Ваня, зажав рот рукой, хохочет, а Петя грозит кулаком.

— Экий ты невыдержанный человек, Васька! Нужна ему твоя нога.

Вдруг совсем из-под другой коряги что-то выскочило, всплыло немного и метнулось прямо к бредню.

Ваня с Петей крепко ухватились за сушила. Бредень у них сильно рвануло назад.

— Суши! — закричал Ваня.

Вскинули они сушила выше головы, так, чтобы только мотня в воде оставалась, поволокли бредень на берег. Выволокли — нет ничего!

— Ушёл!

Ваня от досады хотел бредень истоптать.

— Эх, налимище! — кричал Васенька. — Я думал, что это полено в воде плавёт.

— Всё равно от нас не уйдёт, — сказал Ваня. — Он в заводине. И тут и там перекаты, а на перекатах вода мелкая. Такому битюгу через них никак уйти нельзя — бока обдерёт. Бери, Петя, бредень!

Опять потащили бредень в воду, повели его по заводи.

— Васенька, болтай сильнее ногами, не пускай налима к корягам!

Васенька шум поднял, как на мельнице, крутится в воде, кричит. Ваня с Петей прошли по заводи раз, два... Воду взмутили.

Вдруг Петя выпустил сушило, взмахнул руками и пропал с головой в воде.

Теперь Ваня с Васенькой на Петю забранились.

— Ты что? Надо налима ловить, а ты купаться! Позабыл, зачем пришёл?

Петя показался из воды, а глаза у него большие. Оторопел совсем.

— Меня кто-то молотком по боку ударил. Тут в воде живёт кто-то и дерётся.

— Это налим!.. Налим!.. — закричал Ваня. — Бери скорее бредень! Теперь он ничего в воде не видит и на всё натывается. Теперь он обязательно в бредень залетит.

Васенька пуще забултыхал воду, а сам умирает от смеха.

— Испугался, Петух! Зачем мне кулаком грозил? Налим тебе за это весь бок отъест!

— Боюсь я твоего налима! Поди, как ты...

Ваня с Петей бродят, бродят... Но сколько ни бродили, не попадает налим. То голову из воды покажет, то хвост, то вдруг через бредень махнёт... Носится по заводи, как жеребёнок в поле. А потом и совсем перестал показываться. Хотели от него отступить.

— Вот тебе и налим! Хотели подарок сделать...

Вдруг Ваня заметил у самого берега, на мелком месте, какую-то рытвину, а вода в рытвине, как в котле, кипит, плещется.

— Вон он! — вскрикнул Ваня.

Налимище ползал по тине в рытвине. Его даже всего вода не покрывала. Это он, видно, хотел через пережат махнуть, да второпях заблудился — в рытвину попал. А выбраться отсюда не мог — разбегу нет.

Ваня оглушил его сначала по башке сушилом, а потом упал на него всем телом и схватил за жабры.

— Наш!

Приподнял его Ваня: хвост его на земле, а голова вровень с головой Васеньки Говоркова.

Потащили налима к бабушке Дарье. Двое тащили. Налим в ведро не умещался: половина через край переваливалась.

Бабушка Дарья уже дома была. На тёмной кофте у неё горела новая медаль. Как увидела она налима, руками всплеснула.

— Милые мои рыболовы! Уж как я уху-то люблю!

Большой был у бабушки Дарьи праздник. Ни разу она не назвала себя «горюшей горькой». Ухи она наварила, сама ела, ребят кормила, и для гостей осталось.

Галина БРАЙЛОВСКАЯ

В ЛАГЕРЬ

Пионеры ехали
На грузовике,
Пионеры ехали
К лесу и реке.

Улицы московские
Быстро отстают,
Мальчики и девочки
Весело поют.

В косах ленты яркие —
Разноцветный сад!
А рубахи белые,
Словно паруса.

Серой гладью стелется
Впереди шоссе,
Ветерку понравилась
Ленточка в косе.

Красная, горячая,
Словно маков цвет.
Подхватил он ленточку —
Вот её и нет!

Пусть другая девочка
Ленточку найдёт,
Ласковую, красную
В косу заплетёт.

Ты с хорошей девочкой,
Ленточка, дружи,
Ты про лагерь, ленточка,
Всё ей расскажи.

Расскажи, как весело
На грузовике
Пионеры ехали
К лесу и к реке.

ВОЖАТАЯ

В поле рожь богатая
Кланяется нам;
Нас ведёт вожатая
Тропкой по полям.

Возле нас она в походе,
На прополке в огороде,
На лужайке у костра,
Наша старшая сестра.

Вместе с ней удили мы
Рыбу на пруду,
Вместе в лес ходили мы,
Вместе посадили мы
Яблоню в саду.

Где она взялась за дело,
Там работа закипела,
А закончила дела —
Игры, пляски завела.

Если горе встретится,
Тоже к ней идём:
Первая советчица
Нам она во всём.

И в веселье и в работе
Лучше друга не найдёте.
Мы идём, ровняя строй,
Вслед за старшею сестрой.

ЛЕТОМ В ЛЕСУ

БЕЛЫЕ ФОНАРИКИ

Цветы живут в самом нижнем этаже леса. Над ними нависают ветки кустарников. А над кустами и травами возвышаются деревья. Их огромная тень ложится на землю, закрывая солнечный свет тем, кто живёт внизу.

Ранней весной, когда листва на деревьях ещё только распускается, в лесу пестреет много цветов. Все они пахнут весенней свежестью и чуть-чуть мёдом. Пока лес светел, цветку не нужно своим ароматом заманивать насекомых. Его и так заметят и шмель и пчела.

Но вот большими, широкими стали листья деревьев. Листва сомкнулась: в верхнем этаже закрылись зелёные ставни, сумрачно стало в лесу. Теперь уже не зацветёт здесь ни голубой, ни лиловый цветок. Можно различить в темноте только один цвет — белый. У любки, калины, малины, крушины, рябины — у всех растений, которые летом цветут в лесу, цветы белые.

Первым встречает лесное лето ландыш.

Его цветы, точно белые фонарики, светятся в чаще, указывая мушке путь в темноте: сюда! лети сюда! Если фонарик запутался в траве и мушке его не разглядеть, она и вслепую отыщет ландыш по аромату.

ЛИПЫ ГУДЯТ

В золотистом цвету стоят липы. И столько на них пчёл, что кажется, будто бы дерево гудит: всё — от нижних ветвей до макушки.

Пчёлы берут взятки и с ивы и с вербы, но из всех лесных деревьев самое медовое — липа.

Я замечаю: стали ребята ластиться к колхозному пчеловоду. Они, конечно, в лесу побывали, послушали, как липы гудят. А раз липы загудели, значит скоро на пасеке будут качать молодой липовый мёд.

МУРАВЬИНАЯ ПЕЧКА

Ещё в детстве меня занимало: как это муравьи живут? Вон какой дом большущий построили! Сколько дверей в нём, сколько окошечек! А печка где ж?

И оказалось, что есть и печка. Очень чудная: без дыма, без огня, корнями в землю уходит, ветвями в небе шумит. Эта печка, как объяснил мне один старый лесник, — ствол дерева, к которому муравейник пристроен.

Люди по-разному отапливают свои дома: кто дровами, а у кого трубы в комнате согреваются паром. В лесу только одно отопление — солнечное. Нагрело солнце ствол дерева, и пошло тепло от ствола по всем этажам муравьиного дома.

Самая тёплая сторона ствола — южная.

Её сильнее всего накаляет солнце. Вот к ней-то и пристраивают муравьи своё жилище. Их дом всегда смотрит на юг. Кто это знает, тот не закружится в лесу. Муравьиная печка укажет ему, в каком направлении идти.

Летом я часто хожу за грибами. Бывает, что и заблужусь в незнакомом лесу. Ну и что ж? Везде муравейников много. Разыщу муравьиную печку, подойду к ней, послушаю, как она от ветра шумит, и спрошу, как в детстве меня лесник научил:

— Печка, печка, покажи мне, где север, где юг. Как мне дорогу найти?..

И не было случая, чтобы муравьиная печка меня обманула.

ПО ЯГОДЫ

Поспела черника. Поутру лесная мамаша тетёрка повела своих малышей на черничную полянку. Пошли тетеревята по ягоды.

Самой мамаше и поклевать некогда. Всё озирается, детей сторожит. Зато цыплятам — раздолье. Вокруг тетёрки так и бурлит густая трава. В зелёной чаще стеблей шныряют тетеревята, аукаются по-своему: пиу... пиу...

Выше поднялось солнце. На той же полянке, где утром паслись тетеревята, перекликаются другие голоса.

— Лёнь! — кричит девочка в пёстром платочке. — Ты где? Лёнь! Ты тут?

— Тут! — откликается белоголовый малыш. Он присел на корточки, и у него мурашки забегали в глазах: сколько в траве чёрных бусин.

— Лёнь! — беспокоится девочка. — Ты не всё в рот, ты в кувшин клади.

А у самой губы черным-черны от черники.

Пошли ребята по ягоды.

Богат лес: ребятам, тетеревятам, медвежатам — всем ягод хватит.

Иван НЕХОДА

Рис. Ю. КОРОВИНА

Ш О Ф Ё Р Ы

Восемь пробило уже,
Собрались мы в гараже.
Нас не даром обучили:
Знаем мы автомобили!

Мы качаем-чаем-чаем,
Крепко шины надуваем,
Ведь аварий нет у нас —
Шины держим прозапас.

Ну, садитесь, пассажиры,
По два в ряд и по четыре,
У руля шофёр сидит.
«Отправляемся!» — гудит.

Нас не даром обучили:
Знаем мы автомобили.

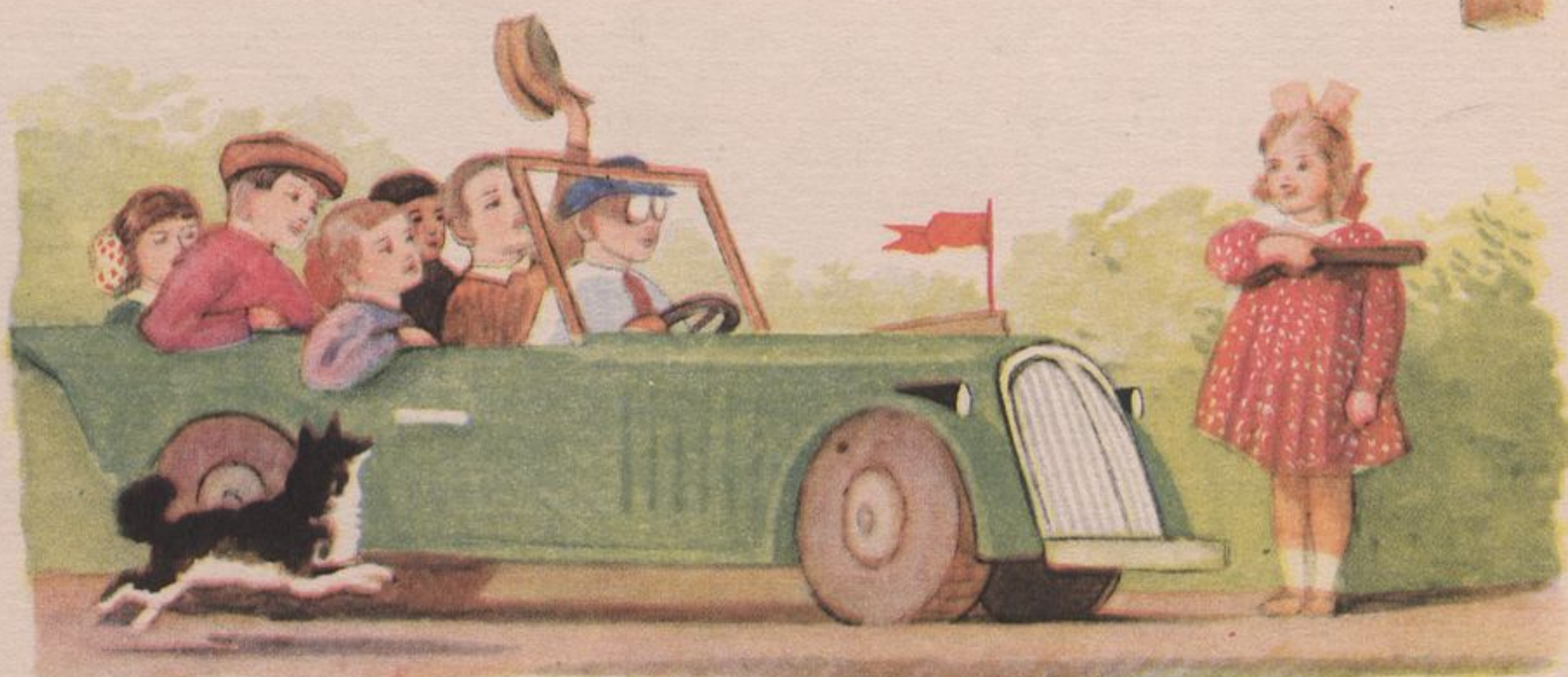
Стук-дзень, стук-дзень,
Ездим, ездим целый день.

Засветился красный диск:
— Эй, шофёр, остановись!
Означает красный цвет:
«Путь закрыт! Проезда нет!»

Коль зажжётся жёлтый круг,
Приготовься ехать, друг!
А зелёный вспыхнет глаз:

— Трогай!
— Двигай!
— В добрый час!

Перевела с украинского
Елена Благинина

Г. СКРЕБИЦКИЙ, В. ЧАПЛИНА

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА

Богата и разнообразна природа нашей страны. Есть у нас высокие горы, покрытые вечными снегами, дремучие леса и широкие привольные степи.

Мы любим и охраняем родную природу. В нашей стране много заповедников, где не разрешается рубить лес, охотиться на зверей и птиц, ловить в реках рыбу. Там животных специально охраняют, наблюдают за ними, изучают их жизнь. В одном из таких заповедников, в Беловежской пуще, и побывали мы в прошлом году.

Беловежская пуща — это огромный лес. На десятки километров тянется он вдоль нашей границы с Польшей.

Лес этот очень старый. В нём растут вековые сосны, дубы, ели... Иным деревьям по несколько сотен лет. Стволы их такие толстые, что три-четыре человека, взявшись за руки, не всегда могут обхватить такое дерево.

Много разных зверей водится в лесах Беловежской пущи. Самые интересные из них — зубры. Зубр — это большой лесной бык. Весь он тёмнобурый, на загривке большой горб, а шея покрыта густой, лохматой шерстью.

В прежние века зубров в Беловежской пуще было очень много. Целые стада их бродили по лесам. Но вместо того чтобы охранять этих редких красивых зверей, в

пуще устраивались царские охоты, и зубров беспощадно выбивали.

Теперь в Беловежской пуще всякая охота запрещена, а зубров там специально разводят. Для них огородили большой участок леса. В нём растёт много различных пород деревьев — дубы, ясени, грабы. Кору и ветки грабов зубры особенно любят.

Идёшь по молодому грабнику. Деревья стоят высокие, прямые, а на самой верхушке голые ветки торчат. Когда мы первый раз увидели такое объединённое дерево, то никак не могли понять: как же зубры так высоко достали, до самой верхушки? Потом сами увидели. Подошёл зубр к молодому дереву, прямо грудью его под себя подмял, объел несколько веток с верхушки и дальше пошёл, а дерево опять выпрямилось. Вот ведь какая сила у зубров!

С виду зубр кажется неповоротливым, но на самом деле это совсем не так. Не раз нам приходилось видеть, как играли где-нибудь на лесной поляне эти неуклюжие с виду животные. Бывало мотнёт головой зубр, подпрыгнет и вдруг с такой быстротой закружится, что даже в глазах рябит. Потом так же внезапно остановится, прислушается, нет ли где опасности, и опять начнёт играть.

За зубрами в Беловежской пуще ведутся постоянные наблюдения. Изучается,

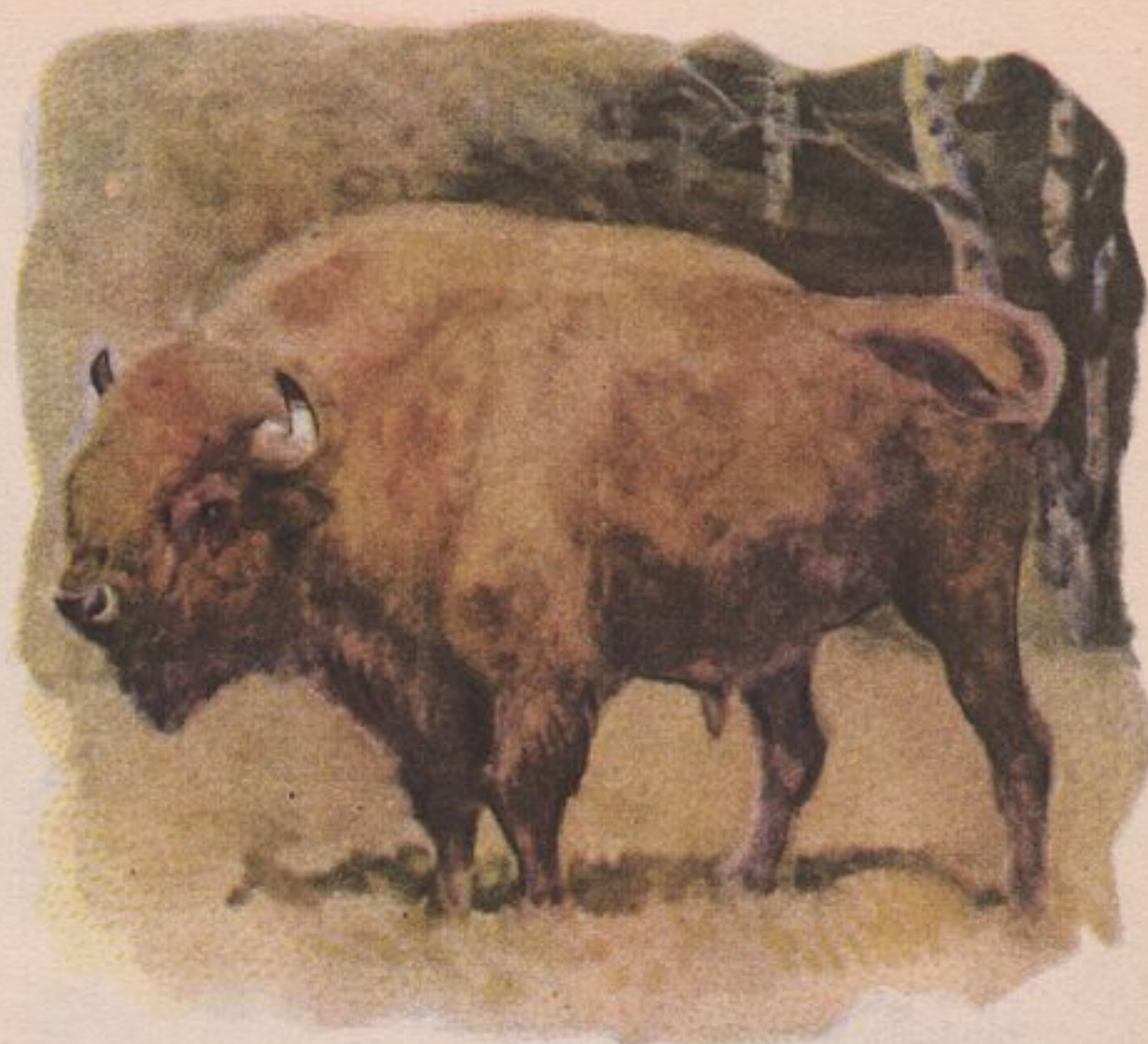
какие растения в какое время года они лучше едят, их привычки, повадки. Ведь зубров сохранилось очень мало, и нужно как можно лучше узнать их жизнь, чтобы развести этих редчайших животных в заповедниках нашей страны.

Кроме зубров, в пуще водятся ещё олени, лоси, косули, кабаны... Все эти животные в пуще живут уже не в огороженной части леса, а на полной свободе. Но несмотря на это, о них тоже заботятся: охраняют от хищников, а зимою подкармливают.

Ещё с лета егери заготавливают самое хорошее, луговое сено. А зимою развозят по лесу и закладывают в большие деревянные кормушки, которые стоят прямо в лесу, на полянках.

Дикие животные в пуще уже привыкли, что их не преследуют и даже кормят. Они почти не боятся человека. Привезёт егерь к лесной кормушке сена, а олени и косули уже дожидаются, когда им можно за еду приняться.

Немало интересного повидали мы во время нашей поездки в Беловежскую пущу не только в её лесах, но и в старой

усадьбе, где помещается управление заповедника.

Возле дома, по двору, в палисаднике, — всюду свободно бродили ручные звери и птицы. Их приносили из леса совсем ещё маленькими, бережно воспитывали и приручали.

Вот об этих-то питомцах заповедника мы и хотим вам рассказать.

Журка и Жорка

Этот журавль был совсем ручной; звали его Журка. Он жил в палисаднике перед самым домом управления заповедника.

Целые дни Журка важно вышагивал на своих длинных ногах, присматриваясь к траве и склёвывая с неё разных насекомых.

Людей он совершенно не боялся. Наоборот, когда в палисадник кто-нибудь входил, Журка шёл навстречу, высоко поднимая голову, и как-то забавно тюрлюкал: тюрлю-тюрлю...

Это он просил, чтобы его чем-нибудь угостили. Наберём мы бывало полные пригоршни смородины и идём угощать Журку. А он уже навстречу спешит, прямо в руки заглядывает. Заметит ягоды — и давай из рук клювом хватать, да так ловко: ни одной ягодки не уронит и в руку никогда больно не клюнет. Он и лягушат охотно ел и мелкую рыбку. Как наловим

пескарей на удочку, так Журке сейчас и принесём. Он мигом всё поест.

Дней через десять после нашего приезда в заповедник сторожа принесли из леса второго журавлёнка. Он был моложе и меньше Журки; весь ещё в сером пуху, только на крыльях стали отрастать пёрышки. Назвали мы его Жорка и пустили в тот же палисадник.

Журка встретил нового соседа не очень приветливо. Он сразу погнался за ним и всё норовил уцепиться клювом за шею. Весь день пришлось наблюдать за ними, чтобы Журка не поклевал новенького. Только к вечеру они, видимо, освоились и начали оба разгуливать по палисаднику, не обращая друг на друга никакого внимания и усердно склёвывая с травы насекомых.

На следующее утро, когда мы принесли им смородины, Журка, как всегда, подо-

шёл к нам за угощением. И тут, сверх всякого ожидания, глядя на него, новенький тоже подбежал к нам. Оба подошли к калитке и, вытянув свои длинные шеи, начали тюрлюкать.

Мы протянули им в пригоршнях ягоды. Но как только Жорка захотел их склевать, Журка набросился на него, схватил клювом за шею и начал трепать. Насилу мы его отогнали. А бедный Жорка отбежал от калитки и забился в дальний конец палисадника.

После этого случая, сколько мы ни старались угостить Жорку ягодами, он уже никак не хотел подходить к нам. Журка его даже близко не подпускал. Это было очень обидно: ведь так никогда не удастся приручить Жорку. А рассадить журавлей было некуда. Думали-думали мы, и ничего не могли решить.

Только один раз шли мы с рыбной ловли мимо палисадника и обсуждали, как бы нам и Жорку рыбой угостить. Вдруг слышим, где-то совсем рядом, «тюрлю-тюрлю»... Глядим, а Жорка нашёл щёлочку в заборе, высунул оттуда голову и смотрит на нас, а сам тюрлюкает: дайте, мол, рыбки.

Мы поскорее к нему и начали его рыбой угощать. Жорка ест себе не спеша, никого не боится. А Журка тем временем разгуливает по палисаднику да жучков с травы склёвывает. Ему и невдомёк, что мы тут Жорку рыбой угощаем.

С тех пор мы так и приладились обоим журавлей кормить. Только бывало завидят они нас издали, Журка прямо к калитке бежит, а Жорка в щель забора голову просовывает. Обоим мы и накормим.

БРАТ МОЙ В ЛАГЕРЬ УЕЗЖАЕТ

Брат мой в лагерь уезжает,
Все братишку провожают.

Все читают наставленья:
— Поправляйся, загорай,
Но один без разрешенья
Никуда не удирай.

Ты без дела не болтайся,
Приучай себя к труду.
В мутной речке не купайся
Или в тинистом пруду.

На змею не наступи,
На сырой земле не спи,
Поскорее напиши
И грибов нам засуши.

— Ладно, ладно, — брат ответил, —
Двести писем напишу,
Все грибы, что есть на свете,
Неприменно засушу.

Дуб от ёлки отличу,
Всю природу изучу,
Муравья и стрекозу
Вам на память привезу.

Брат ни в чём не возражает,
Он сознательный у нас.
Брат мой в лагерь уезжает,
Уезжает в первый раз.

Жаль, что я ещё мала,
Я бы тоже там была!

Нина НАЙДЁНОВА

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

*Быль о том, как наш народ
на царя пошёл в поход.
1603 год*

Против алчного коварства
Духовенства и боярства,
Против страшной царской силы,
Что крестьян поработила,
Против голода-нужды,
Против горя и беды
Под Москвой собрался стан
Возмутившихся крестьян.

Шёл туда любой да всякий:
Были вольные казаки,
И холопы — беглый люд,
И бродяги были тут,
Были беглые монахи,
И от страшной царской плахи —
От неправого суда —
Горожане шли сюда.

Верховодил этим станом
Хлопко. Был он атаманом,
Сам бежал он от господ,
Сам в леса собрал народ.

Крепко сбит и ловко сложен,
А в плечах косая сажень.
Силы Хлопко был такой,
Что могучею рукой
Он сжимал в кольцо подкову,

А здоровья был такого,
Что купался целый год:
Окунался в прорубь — в лёд.
Он, как прадеды-славяне,
Шапку скидывал бровями,
А когда в бою прорыв,
Заменял он семерых.
Собирались к атаману
Мужики в свободный стан.
Верой-правдой без обману
Послужил им атаман.
Он собрал на подвиг ратный
И повёл войска в поход.
Им заказан путь обратный:
Коль уж вышли — так вперёд!
В небе вспыхнула заря —
Шли крестьяне на царя.
Зорька в небе, как пожар, —
Шли холопы на бояр.
Царь прослышал о походе.
Приказал он воеводе
Собирайтесь поскорей
С войском против бунтарей.
Шли стрельцы, не горевали,
На привале напевали,

Дело, думали, пустяк —
Не такой опасный враг.
Кабы знать царёвым слугам,
Кто их ждал в лесах за лугом,
Не тревожили б леса
Озорные голоса.

Хлопко вышел им навстречу
С грозным кличем боевым,
Из стрельцов с кровавой сечи
Не ушёл никто живым.
Удержаться не могли —
Все в оврагах полегли.

Царь Борис узнал об этом,
И на третий день с рассветом
Он послал вторую рать
В лес холопов усмирять.

Вышли с конницей стрелецкой
Усмирять крестьян стрелки.
Без припевки молодецкой,
Молча двигались полки.

На стрельцов, на эти силы
Атаман нагрянул с тыла
И разбил их на реке,
От Москвы недалеке.

Царь Борис вестей дождался,
Не на шутку испугался,
Приказал он отобрать
Войск стрелецких тысяч пять.
И на Хлопка-атамана

Рать повёл Иван Басманов,
Воевода злой, как волк,
В ратном деле знавший толк.
Потекли войска потоком,
Чтоб разбить в бою жестоком
Силы русских бунтарей,
Меч поднявших на царей
И стоявших грозно, смело
За одно большое дело.

Шли стрельцы, гремя мечами,
Бердышами и щитами,
И тащили за собой
Даже пушки в этот бой.

А крестьяне не солдаты —
Снаряженьем не богаты.
Засапозный был бы нож,
Да стрела, да лук хорош.
Силой ненависть была,
И она их всех вела.

Только вольные казаки
Ладно вооружены
И всегда готовы к драке
И в войну и без войны.
Хлопко вольницу свою
Выпускал вперёд в бою...

Не кричат в лесу кукушки,
Зверь попрятался лесной,
Дым в лесу, грохочут пушки
На опушке на лесной.

И стоит на луговине
Стан холопов и крестьян,
И на самой середине
Правит боем атаман.
Стан крестьянский в обороне,
Бой грохочет в лязге, в стоне,
И стрельцы на бедный люд
С четырёх сторон идут.
Атаман стоит на бочке,
Без кольчуг, в одной сорочке,
И бесстрашный и живой,
Полный силы огневой.
И послушные приказу
Атамана-силача
В бой вступают люди сразу
По движению меча.
Не сдаётся Хлопко смелый,
Враг в него пускает стрелы,
Он, пораненный стрелой,
Как ужаленный пчелой.
В пелене густого дыма
Пролетают ядра мимо;
Зычный голос средь дубров
Заглушает пушек рёв.
Кровь на шлемах пламенеет,
Чёрный дым под облака,

Но сжимаются теснее
Государевы войска.
Проклиная атаманов,
Пал в бою Иван Басманов,
Обезумели стрельцы,
Бьют, палят во все концы.
У казаков сил не стало,
Косит враг за рядом ряд,
Хоть крестьян осталось мало —
До последнего стоят.
Грозный Хлопко, истый воин,
Не сдаётся нипочём,
Весь изранен, но спокоен,
Защищается мечом.
Вдруг стрельцы его схватили,
Положили на коня,
Руки, ноги прикрутили,
Не жалеючи ремня.
Повезли к царю в столицу,
Только нечем похвалиться:
По пути от страшных ран
Умер Хлопко-атаман.
Здесь к концу приходит слово
Про поход на Годунова,
Но ещё не раз народ
На царей в поход пойдёт.

Владимир ШЕВЧЕНКО

Рис. В. БИБИКОВА

СВЕТ В ГОРАХ

Высоко в горах к ночи нас застал ураган. Мы брели сквозь мрак и пургу. Было плохо видно: скала впереди вроде похожа на дом. А вот поперёк дороги протянут какой-то белый шнурок. Мы хотели схватиться за него, но это был просто лучик света. Откуда он здесь?

Тут нам пришлось зажмуриться — уж очень яркий свет вспыхнул внезапно перед нами. Потом мы открыли глаза и увидели вовсе не скалу, а белое здание. Из высоких окон шёл яркий-преяркий свет.

Мы заглянули в окно. Большой выложенный белым кафелем зал. Белые и красные плитки пола. Четыре машины, похожие на разрезанные пополам волчки. Чистота, но не видно ни одного человека. А машины работают.

Но где же всё-таки люди? Ведь зажгёт же кто-то свет? Мы постучали в окно. Никого. Подошли к дверям и услышали:

— Электростанция заперта. Входить нельзя. Переночевать можете в домике направо.

— Спасибо! — ответили мы. — А кто это говорит?

Молчание. Мы оглянулись по сторонам, посмотрели даже на крышу. Ничего особенного, лишь над дверями вделанная в стену небольшая решётка. Может быть,

там, за ней, и сидит шутник? Вот ещё нашёл место! Но мы послушались и пошли направо.

Ой, какая темь! Свет в окнах погас. Но зато осветился маленький домик сбоку. Тут, наверно, живут рабочие электростанции. Они даже открыли дверь, как только мы подошли.

— Здравствуйте, — сказали мы. — Извините, что помешали!

Но в комнате никого не было. Только раздался тот же голос:

— Можете ужинать и ложиться спать. Утром приберите всё, как было.

В углу стояла электрическая печка, а на широком мраморном подоконнике — плитка. Их спиральки накалились и начали светиться. Кто-то только что включил их. Сами открылись дверцы шкафа; на полках были сухари, консервы.

Тут мы опять услышали голос, только уже другой. На столе стоял деревянный ящичек с материей вместо передней стенки, вроде радио у нас дома. На ящике — металлический шарик с дырочками. От ящичка и шара наружу тянулись провода.

«А! Это такой телефон!» — догадались мы.

Действительно, голос из ящика сказал:

— Вызываю жилой дом электростанции № 3!

Ага! Это вызывают шутника-невидимку. Теперь-то ему придётся выйти! Мы посмотрели по сторонам. Но никто не показывался. Голос опять сказал:

— Внимание! Прошу находящихся в комнате подойти и говорить со мной.

— В домике никого здешних нет, — сказали мы. — А вы кто? И откуда говорите?

Телефон ответил:

— Говорит дежурный диспетчер электрических станций. Я внизу, за четыре километра от вас. А вы, наверно, товарищи, туристы? На туристской базе уже беспокоятся, не сбились ли вы с дороги в пургу.

Мы очень удивились, откуда диспетчер узнал, что мы здесь. Спросили его, где здешние жильцы.

— Там никого нет, — сказал голос из телефона. — Это автоматическая станция. Она работает без людей. А что вы в хижине, мне автоматические приборы донесли. Завтра, когда спуститесь с горы, приходите ко мне — всё объясню.

Но нам не терпелось узнать, кто же с нами раньше говорил, кто зажигал свет, включал плитку, открывал двери.

Дежурный принялся разъяснять:

— Автоматические приборы! Автоматические! Они делают всё сами, без людей. В них электричество на нас работает — электрический ток. Он потому и называется «ток», что течёт. Если обмакнуть прут в воду и вытащить, по нему будет стекать вода. Точно так по проводу стекает от машин электростанции в лампочку электричество.

А ещё бывает электрический ток, который не со станции течёт, а получается от света. Он делается прямо в лампочке; только лампочка эта внутри совсем не такая, как та, что у вас в комнате. И она не светит, а наоборот, на неё надо светить. Эта лампочка называется «фотоэлемент». Ток из неё идёт слабый, и только пока лампочка-фотоэлемент на свету. Заслоните свет — и ток прекратится. Совсем так, как перестаёт звонить электрический звонок, если отпустить кнопку.

А что, если этот фотоэлемент приспособить к выключателю, вроде того, что у вас в комнате? Сильный ток из машин электростанции будет гореть в лампочках, двигать моторы, а слабый ток фотоэлемента управлять им.

Тут мы поняли, как сам собой зажётся на электростанции свет. Так вот для чего шёл лучик света поперёк дороги!.. Мы, когда шли, загородили этот лучик, фотоэлемент перестал работать, кнопка отскочила и — щёлк! — повернула выключатель, и на электростанции зажётся свет. А когда мы шли к домику, загородили лучик другого фотоэлемента. И опять — щёлк! — на станции свет потух, а в домике загорелся.

Ну, а дверь, которая сама открывалась?

То же самое! Фотоэлемент может включить не только свет. Он включил маленький электромотор у двери, тот закрутился, потянул за скобку, и — пожалуйста! — дверь открыта. Так и плитки включались, и шкаф открывался.

А что за шутник-невидимка пригласил нас в домик?

Этот голос был заранее записан на пластин-

ку, как песня для патефона. Подошли мы к двери, и тут фотоэлемент не дремлет — закрутил пластинку. Она и говорит: сюда идти нельзя, а в домик — добро пожаловать.

Автоматические приборы и машины берегут время и силы людей. Поставили их сюда советские люди, заставили их работать, а сами на другие дела пошли. И умные машины работают сами, день и ночь гонят ток по проводам в долину.

Рабочие приезжают сюда лишь раз-другой в год — осмотреть электростанцию, отремонтировать, что надо. И за ними тоже автоматические приборы ухаживают — вот как сейчас за нами.

Утром мы пошли любоваться на водопад. За белым зданием электростанции, поперёк горной речки, низко над водой шёл толстый белый мост. Однако это был не мост, а плотина. Со стороны верхушек гор, откуда текла река, вода стояла почти до краёв плотины, а с этой стороны вода вытекала сквозь прорези, но не одним, а двадцатью водопадами! Водопады не бурлили попусту, а деловито вертели машины электростанции.

Мы подошли к краю площадки и посмотрели вниз. Солнце ещё не взошло. Прозрачный голубой туман стлался над долиной. Огоньки облепили низ горы и рассыпались по долине. Это горел свет в домах, на фабриках и заводах. Там тоже работали разные машины. По улице бежал крошечный трамвай. Все это делали бывший водопад и электростанция.

Мы заторопились в долину, к нашему ночному собеседнику — диспетчеру.

Он сидел в высокой комнате, похожей на фонарь. Окна с трёх сторон упирались в самый потолок, а подоконники были у пола.

Четвёртую стену всю покрывало большое толстое стекло. На нём очень густо были натканы металлические, фарфоровые, пластмассовые и стеклянные четырёхугольники, дужки, кружки вроде часов; вспыхивали то и дело разноцветные электрические лампочки.

На стеклянной доске качались стрелки разных измерительных приборов. Приборы следили за работой машин. Но ведь до электростанции отсюда далеко. И всё-

таки диспетчер знал всё, что там делалось: электростанции работали под его присмотром. Автоматические приборы всё время «видели», что делают там машины, так же, как фотоэлемент «увидел» нас на горе. И всё, что они видели, они передавали по проводам сюда, диспетчеру.

Перед стеклом с приборами — большой стол. На нём много-много разных ручек, кнопок, выключателей, и около всего этого надписи: что от какой машины и что будет с ней, если нажать кнопку или повернуть выключатель.

Когда мы пришли, дежурный как раз повернул рукоятку. Он объяснил нам:

— Кончается дневная смена на заводах — электричества расходуется меньше: приборы рассказали мне об этом. И я перевёл несколько машин на работу в запас. Ведь электричество можно собирать и держать прозапас, как хранят воду в бочке. «Бочки» для электричества называются «аккумуляторы».

— А если вы ошибётесь и включите что-нибудь неправильно? — спросили мы. — Может произойти пожар? И даже взрыв?

Дежурный покачал головой.

— На работе я не должен быть невнимательным. Впрочем... Так и быть, для вас попробую, пожалуй, устроить небольшой взрыв...

— Нет, нет, не надо! Пожалуйста, не надо! — стали протестовать мы.

А диспетчер уже протягивал руку к рычагу сбоку от красной лампочки.

— Соединю два провода, — сказал он. — Сейчас будет...

Мы уцепились за диспетчера и потянули его от стола. Он всё же успел дернуть рычаг... Но рычаг сразу же повернулся на место.

Диспетчер рассмеялся:

— Видите, как машины отказываются выполнять неправильные приказы. Ну, не смущайтесь, вы правильно сделали, что схватили меня.

Тут на стеклянной доске зажглась красная лампочка.

— Всё-таки вы увидите сегодня взрыв, — сказал диспетчер, — на электростанцию № 3 движется лавина.

Лавина! Мы сразу поняли, как это опасно. Громадная снежная масса ползёт

с вершин, где всегда лежит снег. Лавина задавит пастухов и скот на горных лугах, снесёт хижину туристов, уничтожит электростанцию, с такой любовью построенную советскими людьми.

Надо скорее что-то делать! Как может диспетчер сидеть так равнодушно?..

Мы бросились на порог. Вот она, наша электростанция! Где же лавина? Или диспетчер опять шутит?

А дежурный, как нарочно, совершенно спокойно говорит:

— Лавина движется довольно быстро.

Сказал — и кивнул на пульт. На нём в это время одна за другой вспыхивали светящиеся цифры.

— Но что же вы сидите сложа руки? — кричим мы. — Не любоваться цифрами надо, а спасать станцию!

— А теперь лавину можно уже увидеть, — не слушая нас, говорит диспетчер.

Он даёт нам бинокли, и мы видим массу снега, которая, как огромное белое чудовище, лезет и лезет, подбирается всё ближе к электростанции. Вот сейчас полетят в воздух обломки стен, крыши, машин...

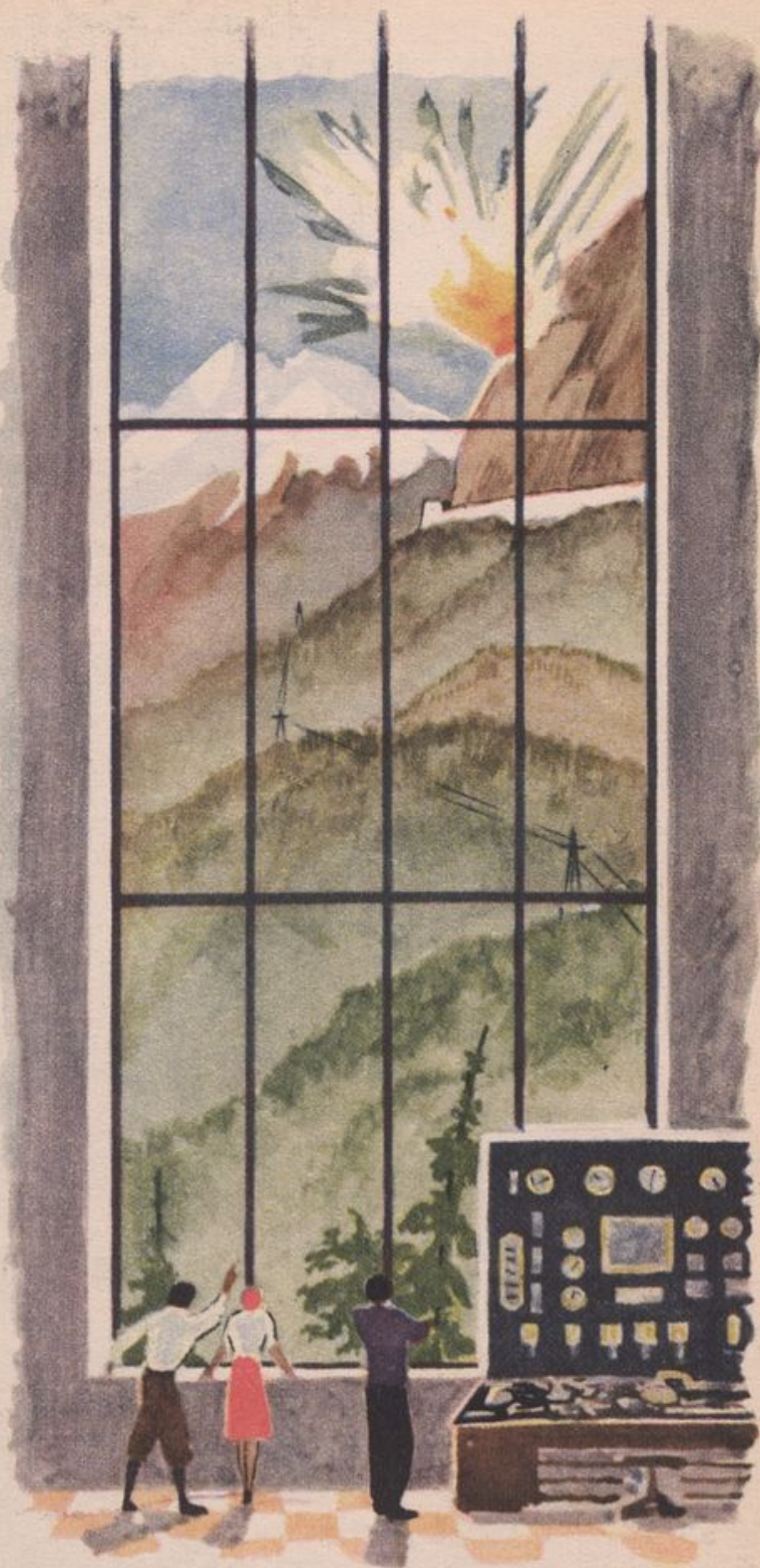
Бум! Трах! Дзз!.. Вспышка огня...

Ничего не видно. Снег, снег... Он летит во все стороны; даже здесь, перед окнами, падают куски и хлопья. Потом мы разглядели в бинокль целёхонькое белое здание электростанции.

— Молодец! — кричим мы и бросаемся обнимать дежурного.

А он невозмутимо говорит:

— При чём здесь я? За лавиной следил электрический прибор и во-время «приказал» автоматической мине взорвать её. Их и благодарите!

Ф Л А Г

Передо мной стоит отряд,
И громко музыка играет.
И самый лучший из ребят
Меня на мачту поднимает.

Взовьюсь я быстро и легко, —
Мне облака и солнце рады,
Когда вот так же высоко
Ребята держат честь отряда.

Вера БРУНС

АВРАЛ

У мамы два сына: Володя и Витюшка. В субботу вечером она взяла большой синий таз, посадила в него Витюшку, хорошенько вымыла его и передела во всё чистое. Володя ей помогал. Потом он сел готовить уроки, а она стала собираться в театр. Но тут Витюшка увидел, что она собралась уходить, и вцепился в мамин подол:

— Мама, не уходи! Мама, не уходи!

Мама хотела отцепить его, но Витюшка не давался и всё хныкал:

— Мама, не уходи!

Тогда мама обратилась к Володе:

— Володичка, займись с Витюшкой, а то видишь: «не уходи, не уходи!»

Володя встал и подошёл к Витюшке:

— Витенька, ох, что мы с тобой сейчас делать будем!

Витюшка отпустил мамино платье:

— Что?

— Ох, ты ещё не знаешь, что мы с тобой делать будем!

— А что?

По правде сказать, Володя и сам ещё не знал, чем они с Витей займутся. А мама тем временем надела пальто и ушла.

Вернулась она поздно, часов в двенадцать, и потихоньку, чтобы не разбудить сыновей, открыла дверь. Открыла — и остановилась на пороге. Сыновья и не думали спать. Они были заняты важным делом. Они — дули.

Посреди комнаты стояла табуретка. На табуретке стоял синий таз. В тазу было полно воды. А по воде ходил корабль. Он был сделан из дощечки, в центре была воткнута мачта, а на мачте развевались большие белые бумажные паруса.

Дунет Володя — корабль идёт к Витюшкиным берегам. Подует Витюшка — корабль разворачивается, меняет курс и на всех парусах мчится к Володиным берегам.

— Бессовестные! — крикнула мама. — Вы что же это не спите?

— Мама, — отозвался Витюшка, — мы матросы, мама, смотри! — и давай дуть изо всех сил: фуууу... фууууу...

— Вот я сейчас этих матросов! — рассердилась мама. — Смотрите, что вы тут натворили!

Под табуреткой стояла большая лужа. От неё во все стороны расползлись ручейки. Один побежал под кровать, другой норовил забраться под ковёр.

— Мама, — сказал Витюшка, — иди подуй, а то я устал!

Он был весь мокрый: штаны, рубашка, чулки — всё намокло до нитки, хоть выжимай.

— Вот я вам сейчас подую! — Мама, осторожно переступая через лужу, подошла к табуретке. — А ну, матросы, живо, давайте убираться! Где тряпка?

Володя принёс тряпку, но Витюшка заупрямился:

— Не хочу убираться! Володька, дуй, дуй!

— Постой, Витенька, — сказал Володя, — знаешь, что у нас сейчас будет?

— Что?

— Аврал, вот что!

— Кто наврал? — переспросил Витюшка.

— Аврал, а не наврал. Это, знаешь, когда на корабле вся команда выходит работать. Называется: свистать всех наверх.

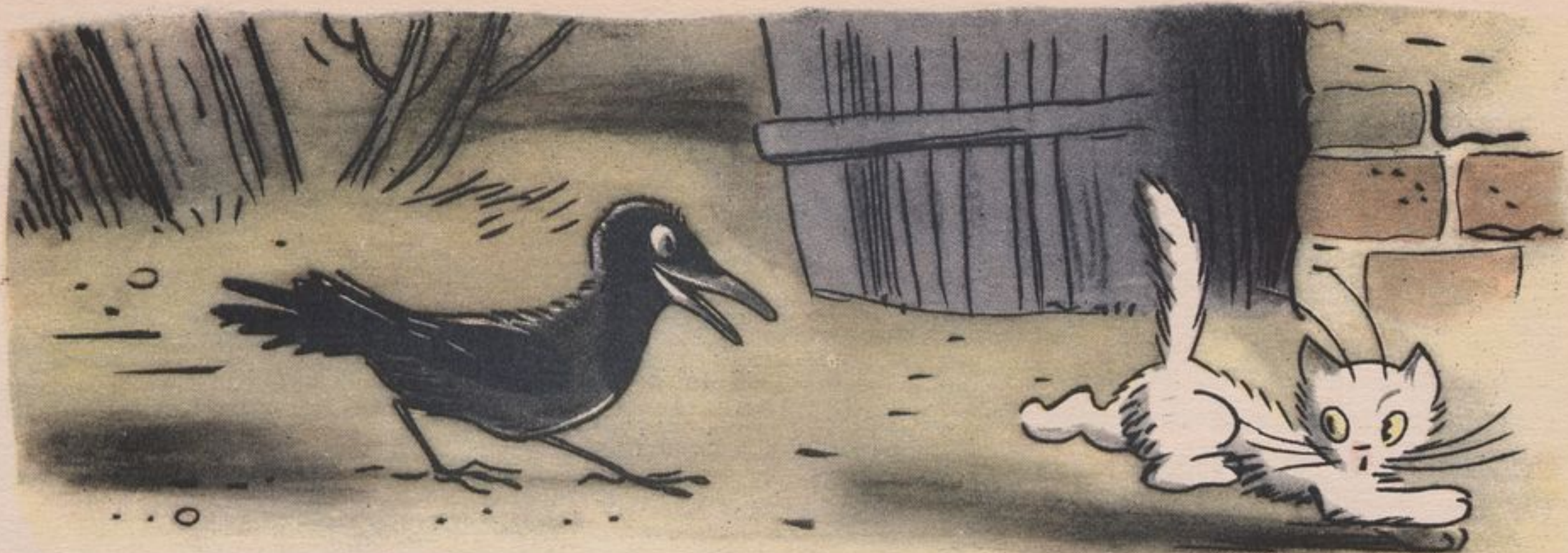
— Аврал, — обрадовался Витюшка, — я тоже хочу аврал.

И начался аврал. А потом Витюшка лёг. А мама взялась за таз, чтобы вынести его. Но тут Витюшка приоткрыл глаза и сказал сонным голосом:

— Мама, море не убирай, море пусть остаётся. — И заснул.

— Устал после аврала, — сказал Володя и тоже стал раздеваться.

А посреди комнаты, на табуретке, осталось море. На нём чуть покачивался корабль, словно ждал завтрашнего дня, чтобы снова отправиться в опасное, бурное плавание.

Наталия ЗАБИЛА

Рис. В. СУТЕЕВА

БЕЛЫЙ И ЧЁРНЫЙ

Спал на лавке котик белый
Среди нашего двора.
Вдруг ворона прилетела
Да как громко каркнет — кра!
Испугался кот вороны,
Прыгнул и в трубу полез.

А ворона удивленно:
— Белый кот куда исчез?
Учащённо птица дышит,
«Что за диво?» — не поймёт.
Видит: из трубы на крышу
Вылезает чёрный кот!

С украинского перевёл Г. Абрамов

Надо просто удивляться,
Как так можно объедаться.

Что растёт в лесу

6 8 2 6

Напиши нам, какие растения и грибы здесь нарисованы.

На обложке рисунок Н. Жукова.

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ.

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор А. Губер

Год издания двадцать шестой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06.
2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в печ. л.

Подписано к печати 3 VI 1949 г.
Тираж 117 000 экз.

А05981. Объём 3 печ. л.
Заказ 941.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская

6 ИЮЛ 1949